

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.161.1'42
ББК ШП41.12-51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

О. В. Барабаш
Пенза, Россия

КОНЦЕПТ «КОРРУПЦИЯ» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

АННОТАЦИЯ. В статье дается обоснование лингвистического подхода к осмыслению феномена коррупции. Намечаются пути исследования концептуализации феномена коррупции в семантическом пространстве языка (на материале нормативных правовых актов XI—XXI вв., пословиц о коррупции, текстов СМИ по соответствующей проблематике). Концепт «Коррупция» рассматривается как результат эволюции единого юридического понятия, концентрат смысловых компонентов, выкристаллизованных из исторически сложившихся номинаций рассматриваемого социального феномена и форм его метафорического осмысления. Отмечается, что в активное употребление в русском языке слово «коррупция» вошло, по-видимому, не раньше начала XX в. В отечественных лексикографических источниках дефиниция слова «коррупция» включает следующие обязательные компоненты: субъекты коррупционного деяния; средство (инструмент) совершения деяния (взятка); обоюдный мотив деяния (привлечь, склонить на свою сторону / получить материальную выгоду). Система номинативных единиц, вербализующих концепт «Коррупция» в русском языке, в большей степени ориентирована на обозначение «берущего взятку», а в меньшей — на «взяткодателя». Подобное смещение отражено и в действующем законодательстве: несмотря на то, что для взяткодателя предусмотрена ответственность, основная доля антикоррупционных установлений направлена на потенциального взяткополучателя. Акцент на большую общественную опасность берущего взятку прослеживается и в публикациях СМИ, освещающих «громкие» коррупционные дела.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепты; коррупция; семантическое пространство; терминология; метафоры; паремнология; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований (НИИФПИ), Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: olphil@mail.ru.

Вводные замечания. Явление коррупции имеет многовековую историю. На протяжении столетий данный феномен подвергался осмыслению в правовой, политической, обыденной коммуникации, становился предметом научного изучения в различных аспектах и поэтической интерпретации. В связи с этим очевидно, что за понятием коррупции стоит целая система представлений, знаний, оценок, ассоциаций, имеющих различные формы экспликации в языке и образующих в совокупности некий «квант знания» [Кубрякова 1997: 92] об этом явлении — концепт.

Однако сами *ментальные установки и предпосылки*, которые способствуют возникновению и распространению коррупции и *на основе которых* формируется восприятие коррупционных деяний обществом, представляются недостаточно изученными. В современной науке коррупция является предметом пристального внимания преимущественно с политических, социально-экономических, правовых позиций. В то же время особый научный интерес представляет, на наш взгляд, исследование феномена коррупции с иного — лингвокогнитивного ракурса, позволяющего высветить те его грани, которые до настоящего времени оставались в тени и в меньшей степени привлекали внимание ученых.

Лингвистическая интерпретация феномена коррупции представлена в современной науке в первую очередь работами А. Н. Баранова, в которых на материале га-

зетных публикаций за 1997—1999 гг., а затем на основе данных двух серий глубинных интервью, проводившихся фондом «ИНДЕМ» в 2002—2004 гг., впервые были охарактеризованы метафорические модели, функционирующие в дискурсе о коррупции [Баранов 2004, 2006, 2014].

В серии опубликованных нами ранее статей были рассмотрены особенности языка и стиля официальных документов в антикоррупционном аспекте, выработаны уточненные определения таких терминов, как «коррупциогенный фактор», «юридико-лингвистическая неопределенность» [Барабаш 2014], выявлены пробелы в законодательном определении коррупции [Барабаш, Филиппов 2014], что представляется значимым для исследования экспликаций концепта «Коррупция» в правовом дискурсе.

Выводы и обобщения, сделанные в указанных работах, позволяют наметить направление дальнейшего — комплексного — лингвокогнитивного анализа способов концептуализации феномена коррупции в семантическом пространстве русского языка.

В рамках данной статьи мы намерены охарактеризовать основные формы представления концепта «Коррупция» в русском языке, выявить его этнокультурную специфику, проследить динамику формирования его номинативного поля.

Как известно, концепт «не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным

опытом человека» [Лихачев 2015: 243]. Соответственно реконструкция того или иного концепта требует обращения к различным источникам, в которых могут быть обнаружены «следы» изучаемого концепта. В связи с этим материалом нашего исследования послужили лексикографические источники, пословицы и поговорки русского народа, нормативные правовые акты, в том числе образцы правовых документов Древней Руси, тексты СМИ, а также отдельные художественные произведения известных авторов. Разумеется, охватить весь объем литературы и источников, образующих дискурс о коррупции, практически невозможно, поэтому мы постарались учесть хотя бы основные издания и документы, содержащие необходимые для целей данной статьи сведения.

Концепт «Коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка. Итак, описание смысловых компонентов понятия «коррупция», закрепившихся в языковом сознании, не представляется возможным без анализа лексикографических источников.

Обращение к словарям позволяет нам предположить, что в активное употребление в русском языке слово «коррупция» вошло, по-видимому, не раньше начала XX в. Во всяком случае, оно еще не было зафиксировано ни словарями иностранных слов конца XIX — начала XX в. [Михельсон 1877; Чудинов 1894; Глебов 1906], ни «Толковым словарем живого великорусского языка» В. И. Даля [Толковый словарь 1905].

В словаре Д. Н. Ушакова 1935 г. слово «коррупция» (лат. *corruptio* — порча) уже присутствует и трактуется как «подкуп, соблазнение, развращение взятками (должностных лиц)» [Толковый словарь 1935]. Коррупция определяется через подкуп, который, в свою очередь, восходит к глаголу «подкупить», означающему, по Д. Н. Ушакову, «привлечь, склонить на свою сторону деньгами, подарками. Подкупить свидетелей» [Толковый словарь 1935]. Коррупционное деяние предполагает участие двух участников — того, кто совершает подкуп, и того, кого подкупают. Отметим, что в указанной словарной дефиниции первый участник выражен имплицитно, хотя, исходя из поверхностной (синтаксической) структуры определения, именно ему отводится главенствующая роль. Второй участник получает экспликацию — это должностное лицо, являющееся здесь, скорее, объектом коррупционного воздействия. Взятка выступает в качестве средства осуществления коррупционного деяния и определяется как «плата или подарок должностному лицу за совершение каких-нибудь

незаконных действий по должности в интересах дающего» [Толковый словарь 1935].

В Словаре иностранных слов 1949 г. дано следующее определение: «Коррупция — подкуп; в капиталистических странах — подкупность и продажность общественных и политических деятелей, а также государственных чиновников и должностных лиц» [Словарь иностранных слов 1949]. Словарь С. И. Ожегова дает трактовку «подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей» [Ожегов 2013: 250]. Приведенные дефиниции, как видим, опираются на понятие подкупа, однако равнозначность двух субъектов деяния — взяткодателя и подкупаемого должностного лица — здесь прослеживается более отчетливо благодаря появившейся характеристике последнего («подкупность», «продажность»).

Малый академический словарь определяет коррупцию не через подкуп, а через производное от него слово «подкупность», которое стоит в одном ряду с «продажностью»: «Коррупция — подкупность, продажность должностных лиц и общественных деятелей» [МАС 1999], в результате чего в дефиниции смещается смысловой акцент на взяткополучателя как субъекта коррупции: его можно подкупить, да и сам он готов «продаться».

В Современном толковом словаре русского языка слово «коррупция» определяется максимально широко — как «прямое использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения», которое, «как правило, сопровождается нарушением законности» [Современный толковый словарь русского языка 2002]. Понятие подкупа в приведенном определении не учитывается, и акцент окончательно смещается в сторону второго субъекта — должностного лица.

Таким образом, начиная с первой трети XX в. слово «коррупция» фиксируется отечественными лексикографическими источниками, и в его толкование включаются следующие обязательные компоненты: *субъекты* коррупционного деяния; *средство* (инструмент) совершения деяния (взятка); обоюдный *мотив* деяния (привлечь, склонить на свою сторону / получить материальную выгоду). Как видим, указанные компоненты — как в отдельности каждый, так и все в совокупности — не связаны с каким-либо неосвоенным понятием в языке или новым в жизни общества явлением. Слово «коррупция» оказалось емкой единицей языка, наиболее подходящей для обозначения такой многовековой практики общественных отношений, основной формой проявления которой является подкуп должностного лица.

Вероятно, в том числе по этой же причине слово «коррупция» получило в 2008 г. закрепление в отечественном праве, став ключевым термином Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Важно отметить, что словарные определения и дефиниции, установленные нормативными правовыми актами, зачастую существенно различаются, причем юридически значимым признается именно официальное определение понятия. Так, закон гласит, что коррупция — это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний <...> от имени или в интересах юридического лица» [Федеральный закон от 25.11.2008 г. № 273-ФЗ]. Как видим, дефиниция сформулирована путем перечисления преступлений коррупционной направленности, коррелирующих с конкретными статьями Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях. Мы уже писали ранее о коллизиях, порождаемых подобным подходом к определению коррупции [Барабаш, Филиппов 2014], поэтому повторимся, указав лишь на дискуссионность формулы «*незаконное использование служебного положения*». Опираясь на грамматическое толкование официального определения коррупции, перечисленные деяния мы должны соотносить именно с *незаконным* использованием служебного положения. Однако, например, состав взятки, безусловно признаваемой коррупционным проявлением, характеризуется, согласно статье 290 Уголовного кодекса РФ, совершением должностным лицом в пользу взяткодателя действий (бездействия), которые *входят в его служебные полномочия*, т. е. являются *законным* использованием служебного положения [См. УК РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016)]. Характерно, что в международных правовых актах, например, в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка ООН 1979 г., коррупция определяется как «выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознагражде-

ние, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения» [Кодекс поведения должностных лиц].

Обратившись к истории формирования отечественной правовой терминологии, образующей номинативное поле коррупции, мы снова обнаружим, что законное использование должностным лицом своего служебного положения с целью получения незаконной выгоды может (и должно) входить в состав коррупционного деяния. Так, в статье, опубликованной в 1911 г. в политической и литературной газете «Новое время», наблюдается разграничение понятий «вымогательство взятки», «лихоимство» и «мздоимство»: «Сегодня во втором заседании особого присутствия московского окружного суда закончено чтение обвинительного акта и произведен опрос подсудимых: признают ли они себя виновными, а если признают, то в чем именно? Всех пунктов обвинения намечено три: 1) вымогательство, когда путем угроз и притеснений чины московской приемной комиссии заставляли поставщиков платить взятки; 2) лихоимство, когда подсудимые принимали денежные суммы, как благодарности, и при этом нарушали долг службы, допуская быть принятым плохого качества товар и 3) простое мздоимство, т. е. получение взяток *без нарушения долга службы* (курсив мой. — О. Б.) и при добросовестной приемке поставок» [Дело интендантов 1911].

Как видим, ядерный компонент значения во всех трех случаях — получение взятки, а дифференциальный компонент обусловлен способом осуществления преступления: путем угрозы и притеснения поставщиков (вымогательство); путем совершения *незаконных действий* (лихоимство); путем совершения *законных действий* (мздоимство). Представления о каждой из трех описанных ситуаций закреплены в общественном сознании и в той или иной мере находят отражение в действующем российском законодательстве. Полагаем, что внимательное отношение законодателя к возможностям *законного* использования служебного положения в составе коррупционного деяния позволит сделать более точным официальное определение исследуемого понятия.

Интересно, что среди номинаций, участвующих в формировании понятия коррупции в русском языке, отчетливо выделяются две группы: первая характеризует ситуацию с позиции субъекта, дающего взятки, а вторая — с позиции субъекта, берущего взятки. Наглядно соотношение указанных номинаций представлено в таблице 1.

Таблица 1

Тип субъекта	Субъект 1 (тот, кто дает взятку)	Субъект 2 (тот, кто берет взятку)
Номинации феномена коррупции с учетом ориентации на тип субъекта	Подкуп, дача взятки	Взятничество, лихоимство, мздоимство, посулоимство, посулоимание, продажность (судей, чиновников), злоупотребление властью (полномочиями)

Таблица 2

Тип субъекта	Субъект 1 (тот, кто дает взятку)	Субъект 2 (тот, кто берет взятку)
Номинации субъекта	взяткодатель коррупционер подкупщик лиходатель мзгодатель мздаватель	взяткополучатель коррупционер взяточник лихоимец мздоимец лихоимщик мздолюбец посульник

Основная часть многообразных способов номинации феномена коррупции — «взяточничество», «лихоимство», «мздоимство», «посулоимство», «посулоимание», «злоупотребление властью (полномочиями)», «продажность (судей, чиновников)» — соотносится в русском языке с представлением о берущем взятку, и лишь «подкуп» и «дача взятки» — с представлением о взятку дающем (эвфемистичные номинации типа «дать барашка в бумажке», «дать на лапу», «подмазать», «подмаслить» и т. п. мы здесь не рассматриваем и не включаем их в ряд номинаций коррупции, так как они соотносятся не с самой коррупцией как общественным явлением (ср. более абстрактные «взяточничество» или «мздоимство»), а с дачей взятки как действием в конкретной ситуации. Полагаем, что подобные номинации заслуживают отдельного рассмотрения).

Показательным в этом отношении представляется и то, как определяется в толковых словарях взяточничество: «*обычай брать взятки*, караемый законом; систематическое *пользование взятками*» [Толковый словарь 1935]; «должностное преступление, заключающееся в *получении взятки*» [Ожегов 2013: 78]. Кроме того, сама форма слова «взятка», восходящего к глаголу «взять», обнаруживает смещение фокуса с «дающего» (а именно представление о том, *что и с какой целью дается*, положено в основу толкования взятки, приведенного выше) на «берущего», то есть того, кто «взял», поэтому и употребляется слово «взятка», а не «*датка» (ср., например, обозначения взятки в чешском языке — «úplatek», в болгарском — «подкуп»). Интересной в этом смысле видится также параллель «взяточничество» (рус.) — «подкупничество» (болг.).

Аналогичные результаты дает сравнение номинаций, используемых для обозначения

самих субъектов коррупции. Наглядно соотношение указанных номинаций представлено в таблице 2.

Среди номинаций, представляющих субъекта, дающего взятку, трудно выделить слово, которое использовалось бы в современном русском языке в качестве общеупотребительного. Пожалуй, наиболее употребимым можно считать слово «коррупционер», однако оно используется для обобщенного обозначения обоих субъектов коррупции. Термин «взяткодатель» (впрочем, как и «взяткополучатель») отсылает нас к правовому дискурсу. Слово «подкупщик» в Национальном корпусе русского языка отмечено единственным примером из «Артикула воинского» Петра I (1715 г.). Полагаем, что факт единичного вхождения в корпус можно расценить как аргумент в пользу низкой частотности лексемы «подкупщик». Слово «лиходатель» появилось в эпоху Петра I, и хотя затем встречается в литературе (например, в произведении Н. С. Лескова «Сим воспрещается...» (1869 г.)), также представляет собой низкочастотную номинацию. Термин «мзгодатель» не отражен в Национальном корпусе русского языка. Однако мы находим его в «Учебнике уголовного права» П. Д. Калмыкова (1866 г.): «Мздоимство всегда предполагает другое лицо, которое есть участник, мзгодатель, онъ менѣе виновенъ, нежели берущій подарокъ» [Калмыков 1866: 533]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (1905 г.) термин «мзгодатель» тоже присутствует — в словарной статье, раскрывающей значение слова «мзда». В то же время, опираясь на данные Национального корпуса русского языка, тексты художественных произведений русских писателей, следует отметить, что в случае обращения к теме взяточничества специальную номинацию значи-

тельно чаще получает именно субъект, берущий взятку: «лихоимец», «мздоимец», «взяточник» (например: «Мздоимцы, Прокурор Куролесыч, одолели! мздоимцы! лихоимцы! кривотолки! прелюбодеи!» [Салтыков-Щедрин 1974: 137]). При этом в современном русском языке наиболее активно функционирует лексема «взяточник». В свою очередь, «мздоимец» и «лихоимец», получившие в современных словарях помету «устаревшее», тоже продолжают использоваться в речи, особенно в публицистике, иными словами, не могут считаться вышедшими из употребления, в то время как «мзодатель», «лиходатель» и «подкупщик» не просто вышли из употребления, но даже не упоминаются в современных словарях.

Таким образом, система номинативных единиц, вербализующих концепт «Коррупция» в русском языке, в большей степени ориентирована на обозначение «берущего взятку», а в меньшей — на «взякодателя». Подобное смещение отражено и в действующем законодательстве: несмотря на то, что для взякодателя предусмотрена ответственность, основная доля антикоррупционных установлений направлена на потенциального взякополучателя. Акцент на большую общественную опасность берущего взятку прослеживается и в публикациях СМИ, освещающих «громкие» коррупционные дела.

С одной стороны, это объясняется иерархическими отношениями участников коррупционного деяния: ведущая роль принадлежит должностному лицу, от которого в конкретном случае зависит исход дела (судьба взякодателя), соответственно, положение взякодателя условно можно обозначить как «зависимое» [Барабаш 2016]. С другой стороны, не проявляется ли здесь особенность отечественного восприятия коррупции, в котором должностное лицо (чиновник) оказывается олицетворением зла, а взякодатель — «жертвы», вынужденной прибегать к такому способу решения вопросов? Подобное закрепление ролей в общественном сознании, на наш взгляд, в значительной степени препятствует эффективному осуществлению антикоррупционной политики и свидетельствует о назревшей потребности смены указанных стереотипов и формировании антикоррупционного правосознания.

Амбивалентные результаты дает и анализ пословиц русского народа: на фоне осуждения лихоимства чиновников, продажности судей и т. п. дача взятки воспринимается как эффективный способ решения какого-либо вопроса, требующего взаимодействия с должностным лицом, сравним: «В суд ногой — в карман рукой», «Правое дело,

а в кармане засвербело», «Наши права, а сто рублей дали» — и в то же время: «Скорее дело вершишь, коли судью подаришь», «Дашь грош и будешь хорош!», «Просьбы не доуки, как не пусты руки», «Всяк подьячий любит калач горячий» и т. д.

Еще более показательны в этом отношении примеры метафорического осмысления феномена коррупции в медиадискурсе. На поверхности преобладает негативная оценка данного явления, о чем свидетельствует наличие метафорических моделей «ВРАГ», «ПРЕПЯТСТВИЕ», «БОЛОТО», «БОЛЕЗНЬ» и других, профилирующих в сфере-цели — коррупции — такие компоненты значения, как 'то, чему нужно противостоять', 'то, что должно быть устранено', 'опасность', 'то, что приносит страдания'.

В то же время анализ метафорических моделей коррупции позволяет заключить, что в восприятии этого явления обществом присутствует компонент обычая, повседневности, необходимости. Так, в терминах, соответствующих модели «МЕХАНИЗМ», коррупция воспринимается как «стержень власти», «аппарат», «машина», «цепь», «звено», «колёсико» и профилирует компонент значения 'необходимый элемент функционирования' (власти). Метафорическую модель «ВЕЩЕСТВО» реализуют два основных слота — «скрепляющее вещество» («склейка», «цемент») и «смазочное вещество» («смазка», «масло»), например: *Коррупция — та склейка, на которой держится власть. Уберите это цементирующее начало, и власть рассыплется* [Кошик 2013]; *„Хорошая“ коррупция — это часто смазка неэффективного и зарегулированного законодательства, когда чиновники ускоряют процесс принятия решений, помогая частному бизнесу* [Зотин 2013].

Сопоставление коррупции с «гидрой», «чудищем», «монстром», «чудищем», «драконом» и другими существами, образующими метафорическую модель «СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО», свидетельствует о том, что в коллективном бессознательном коррупция предстает как нечто опасное и неконтролируемое привычными методами. (Сравним: метафора «коррупция — это препятствие» формирует противоположное представление о явлении коррупции, при котором для борьбы с ним возможно применение известных человеческому опыту действий: разрушить, устранить (преграду, препятствие), преодолеть (преграду, барьер).)

Метафора, как убедительно доказывает испанский ученый Хосе Ортега-и-Гассет, — это «не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления» [Ор-

тега-и-Гассет 1990: 71]. О моделирующей роли метафоры пишет и Н. Д. Арутюнова: «...метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» [Арутюнова 1990: 14]. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением А. Н. Баранова о том, что одним из способов формирования антикоррупционного правосознания в обществе является внедрение в сфере речевого воздействия рационалистических метафор, дающих возможность мышлению вести поиск «инструментальных, реально воплощаемых альтернатив разрешения проблемной ситуации, игнорируя налет трансцендентальности зла, воплощенного в коррупции, и питаемое общественной практикой бессилие человека перед нею» [Баранов 2014 :175].

Заключение. Концепты возникают в сознании «как отклик на предшествующий языковой опыт человека» [Лихачев 2015: 153]. Многослойность структуры и содержания концепта «Коррупция» обусловлена многовековой историей осмысления носителями языка самого феномена коррупции в правовой, политической и обыденной коммуникации, историей смысловых трансформаций вербализующих его в русском языке номинаций. Действительно, политические, социально-экономические процессы в жизни общества не только способствуют пополнению словарного запаса языка одними элементами и устареванию других, но и задают вектор эволюции стоящих за ними концептов, а следовательно, и в целом национальной концептосферы. В связи с этим концепт «Коррупция» можно рассматривать как результат эволюции единого социально-правового понятия, концентрат смысловых компонентов, выкристаллизованных из исторически сложившихся номинаций этого феномена и форм его метафорического осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. 512 с.
2. Барабаш О. В. О некоторых теоретических и практических проблемах выявления коррупциогенных факторов в тексте нормативных правовых актов // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 255—260.
3. Барабаш О. В., Филиппов К. Б. «Коррупция» как ключевое понятие антикоррупционного законодательства Российской Федерации: лингво-правовой анализ дефиниции // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 12—20.
4. Барабаш О. В. Феномен коррупции в семантическом пространстве русского языка: к постановке проблемы // Язык. Право. Общество : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 11—13 окт. 2016 г.) / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 259—265.
5. Баранов А. Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 70—79.
6. Баранов А. Н., Михайлова О. В., Шипова Е. А. Некото-

рые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафоры («взаимоотношения бизнеса и власти», «коррупция»). — М. : Фонд ИНДЕМ, 2006. 84 с.

7. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
8. Дело интендантов // Новое время. 1911. 21 (8) июня. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=27740>.
9. Зотин А. Коррупция, достойная подражания // Коммерсантъ. 2013. 14 янв. URL: <http://kommersant.ru/doc/2098142->
10. Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Часть общая. — СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1866. 551 с.
11. Кошик А. Антикоррупционный урожай-2013 // PASMIRU. 2013. 9 дек. URL: <http://pasmir.ru/archive/100105>.
12. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Избр. тр. по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 2015. 540 с. (Почетные доктора Университета).
13. Лесков Н. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 3. Публицистика. Переписка Н. С. Лескова с Л. Н. Толстым / изд. подгот. Л. Аннинским. — М. : Экран, 1993. 487 с.
14. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. 512 с.
15. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка : (Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 дек. 1979 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/c_ode_of_conduct.shtml.
16. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
17. Михельсон А. Д. Объяснение всех иностранных слов (более 50 000 слов), вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. / сост. Михельсон. Изд-е 7, добавленное вторым томом. — М. : Тип. Э. Лиснерь и Ю. Романь, 1877. Т. 1. 560 с.
18. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. — М. : Мир и образование, 2013. 736 с.
19. Салтыков-Щедрин М. Е. Недреманное око // Собр. соч. : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. — М. : Художественная литература, 1974. Т. 16, кн. 1. С. 136—139.
20. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. 3-е, перераб. и доп. изд-е. — М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. 808 с.
21. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Ко — Кю) / под ред. А. П. Евгеньевой ; РАН, Ин-т лингвист. исслед. 4-е изд., стер. — М., 1999. 698 с. (МАС).
22. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2002. 960 с.
23. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е испр. и значительно доп. издание / под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. — СПб. ; М. : Тов-во М. О. Вольф, 1905. Т. II (И — О). 1018 с.
24. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. I. А — Кюрины / сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков ; под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» : ОГИЗ, 1935. 1562 стб.
25. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / под ред. А. Н. Чудинова. — СПб. : Изд. книгопродавца В. И. Губинского, 1894. 1002 с.
26. Глебов Ф. П. Объяснитель непонятных для народа слов, встречающихся в газетах: необходимая справочная книжка для читателей газет / сост. Ф. П. Глебов. — СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1906. — 58 с.
27. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ : (ред. от 06.07.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6411e005f539b666d6f360f202cb7b1c23fe27c3/.
28. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156929/?frame=1.

O. V. Barabash
Penza, Russia

THE CONCEPT OF "CORRUPTION" AND ITS REPRESENTATIONS IN THE SEMANTIC SPACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

ABSTRACT. *The article describes the linguistic approach to interpretation of the phenomenon of corruption. It outlines the ways of research of the phenomenon of corruption in semantics of the language (on the basis of regulation and legislative documents of XI–XXI centuries, proverbs about corruption, mass media texts devoted to this issue). The concept "Corruption" is viewed as the result of evolution of the legal term, as a concentrate of meanings that appeared from the names of this social phenomenon and their metaphorical usage that existed in the past. It is noted that the frequent usage of the word "corruption" in the Russian language is ascribed to the beginning of the XXth century. Russian lexicographic sources define the word "corruption" using the following components: the **subjects** of corruption; a **tool** of the act (a bribe); the **motive** (to win the support of someone/ to take financial benefit). The system of nomination units verbalizing the concept "Corruption" in Russian is focused mostly on "the person taking a bribe" rather than "a person giving a bribe". This shift is also present in the current law: in spite of the fact that a giver of a bribe is to be punished by law, most of the responsibility for the crime falls on the bribe taker. The same is present in mass media articles that describe notorious cases of corruption.*

KEYWORDS: *concepts; corruption; semantic space; terminology; metaphors; paramiology; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Barabash Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Research Institute for Basic and Applied Studies, Penza State University, Penza, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metafory : sb. : per. s angl., fr., nem., isp., pol'sk. yaz. / vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoi ; obshch. red. N. D. Arutyunovoi i M. A. Zhurinskoj. — M. : Progress, 1990. 512 s.
2. Barabash O. V. O nekotorykh teoreticheskikh i prakticheskikh problemakh vyavleniya korruptsiogennykh faktorov v tekste normativnykh pravovykh aktov // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. S. 255—260.
3. Barabash O. V., Filippov K. B. «Korruptsiya» kak klyuchevoe ponyatie antikorrupcionnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii: lingvo-pravovoy analiz definitiv // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. C. 12—20.
4. Barabash O. V. Fenomen korruptsii v semanticheskom prostranstve russkogo yazyka: k postanovke problemy // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 11—13 okt. 2016 g.) / pod red. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskoi, A. K. Dyatlovoi, N. A. Pavlovoi. — Penza : Izd-vo PGU, 2016. S. 259—265.
5. Baranov A. N. Metaforicheskie grani fenomena korruptsii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2004. № 2. S. 70—79.
6. Baranov A. N., Mikhaylova O. V., Shipova E. A. Nekotorye konstanty russkogo politicheskogo diskursa skvoz' prizmu politicheskoi metafory ('vzaimootnosheniya biznesa i vlasti', 'korruptsiya'). — M. : Fond INDEM, 2006. 84 s.
7. Baranov A. N. Deskriptornaya teoriya metafory. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 632 s.
8. Delo intendantov // Novoe vremya. 1911. 21 (8) iyunya. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=27740>.
9. Zotin A. Korruptsiya, dostoyanaya podrazhaniya // Kommersant". 2013. 14 yanv. URL: <http://kommersant.ru/doc/2098142>.
10. Kalmykov P. D. Uchebnik" ugolovnago prava. Chast' obshchaya. — SPb. : Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1866. 551 s.
11. Koshik A. Antikorrupcionnyy urozhay-2013 // PASMI.RU. 2013. 9 dek. URL: <http://pasmi.ru/archive/100105>.
12. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka // Izbr. tr. po russkoy i mirovoy kul'ture. 2-e izd., pererab. i dop. / sost. i nauch. red. A. S. Zapesotskii. — SPb. : SPbGUP, 2015. 540 s. (Pochetnye doktora Universiteta).
13. Leskov N. C. Sobr. soch. V 6 t. T. 3. Publitsistika. Perepiska N. S. Leskova s L. N. Tolstym / izd. podgot. L. Anninskim. — M. : Ekran, 1993. 487 s.
14. Ortega-i-Gasset Kh. Dve velikie metafory // Teoriya metafory : sb. : per. s angl., fr., nem., isp., pol'sk. yaz. / vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoi ; obshch. red. N. D. Arutyunovoi i M. A. Zhurinskoj. — M. : Progress, 1990. 512 s.
15. Kodeks povedeniya dolzhnostnykh lits po podderzhaniiu pravoporyadka : (Prinyat rezolyutsiei 34/169 General'noi Assam-blei OON ot 17 dek. 1979 g.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/c_ode_of_conduct.shtml.
16. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / pod obshch. red. E. S. Kubryakovoy. — M. : Filol. fak. MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. 245 s.
17. Mikhel'son A. D. Ob'yasnenie vseh inostrannykh slov (bolee 50 000 slov), voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s ob'yasneniem ikh korney. Po slovyaryam: Geyze, Reyfa i dr. / sost. Mikhel'son. Izd-e 7, dobavlennoe vtorym tomom. — M. : Tip. E. Lissner" i Yu. Roman", 1877. T. 1. 560 s.
18. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy / pod red. L. I. Skvortsova. 27-e izd., ispr. — M. : Mir i obrazovanie, 2013. 736 s.
19. Saltykov-Shchedrin M. E. Nedremannoe oko // Sobr. soch. : v 20 t. / M. E. Saltykov-Shchedrin. — M. : Khudozhestvennaya literatura, 1974. T. 16, kn. 1. S. 136—139.
20. Slovar' inostrannykh slov / pod red. I. V. Lekhina i prof. F. N. Petrova. 3-e, pererab. i dop. izd-e. — M. : Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1949. 808 s.
21. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3 (Ko — Kyu) / pod red. A. P. Evgen'evoy ; RAN, In-t lingvist. issled. 4-e izd., ster. — M., 1999. 698 s. (MAS).
22. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 2002. 960 s.
23. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dal'ya. 3-e ispr. i znachitel'no dop. izdanie / pod" red. prof. I. A. Boduena-de-Kurtene. — SPb. ; M. : Tov-vo M. O. Vol'f", 1905. T. II (I — O). 1018 s.
24. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. T. I. A — Kyuriny / sost. G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskiy, D. N. Ushakov ; pod red. D. N. Ushakova. — M. : Gos. in-t «Sov. entsikl.» : OGIZ, 1935. 1562 stb.
25. Chudinov A. N. Slovar' inostrannykh" slov, voshedshikh v" sostav" russkogo yazyka / pod" red. A. N. Chudinova. — SPb. : Izd. knigoprodavtsa V. I. Gubinskago, 1894. 1002 s.
26. Glebov F. P. Ob'yasnitel' neponyatnykh dlya naroda slov, vstrechayushchikhsya v gazetakh: neobkhodimaya spravochnaya knizhka dlya chitateley gazet / sost. F. P. Glebov. — SPb. : Tip. V. F. Kirshbauma, 1906. — 58 s.
27. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii : ot 13.06.1996 № 63-FZ : (red. ot 06.07.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6411e005f539b666d6f360f202cb7b1c23fe27c3/.
28. Federal'nyy zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ «O protivodeystvii korruptsii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156929/?frame=1.